

Михаил Плетнев: «В музыке правильно то, что убеждает и трогает» | Mikhaïl Pletnev: «La musique juste est celle qui touche et qui convainc»

Auteur: Надежда Сикорская, [Цюрих](#) , 09.03.2016.

Михаил Плетнев

15 марта начнется швейцарское турне Российского национального оркестра под руководством его основателя Михаила Плетнева. О программе концертов мы уже [рассказывали](#), а теперь предлагаем интервью с самим Михаилом Васильевичем, с которым встретились заблаговременно и поговорили о музыке вообще и не только.

|

Le 15 mars commencera la tournée suisse de l'Orchestre national russe sous la conduite de son fondateur Mikhaïl Pletnev. Nous avons déjà [présenté](#) le programme des concerts, et maintenant nous passons la parole à maestro lui-même.

Mikhaïl Pletnev: «La musique juste est celle qui touche et qui convainc»

Российский национальный оркестр (РНО) был основан в 1990 году пианистом, дирижером и композитором, Народным артистом России Михаилом Плетнёвым на основе пожертвований из-за рубежа (в основном США). Таким образом, коллектив, в который вошли многие музыканты из разных оркестров страны, стал первым в советской истории, не финансируемым из госбюджета. С тех пор оркестр обрел международную известность и признание публики и критиков – в конце 2008 года авторитетный европейский журнал Gramophone включил РНО в двадцатку лучших оркестров мира. Оркестр первым среди негосударственных коллективов получил грант Правительства РФ, а в 2009 году – государственный статус.

Михаил Васильевич, Вы родились в Архангельске и, прямо как Ваш тезка Михаил Ломоносов, добрались из этого далекого города до Москвы. К счастью, уже не пешком . Как все это получилось? Как было раскрыто Ваше дарование? Кто Вам помогал? Насколько трудно было «мальчику из глубинки» поступить в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории?

Помогали многие люди, с которыми я общался, которые меня слушали. Кому-то нравилось больше, кому-то меньше. А поступать было трудно, конечно. Мне было 13 лет, помню, что я очень волновался, тем более, что и подготовиться толком не успел, все это внезапно получилось. Играл что-то, включая собственную Сонатину. План был просто «показаться», а мне вдруг и говорят: давай, мол, поступай, через три дня экзамены. Ну, раз уж приехали мы с мамой в Москву, надо было поступить, было бы глупо уехать с пустыми руками.

Ваша международная карьера по-настоящему началась в 1978 году, когда Вы завоевали первую премию и Золотую медаль на VI Международном конкурсе имени П.И. Чайковского. Как Вы оцениваете результаты конкурса, прошедшего в 2015 году? Следили ли Вы за соревнованиями пианистов? Как вообще Вы относитесь к конкурсам?

Я не следил. Не хочу никого критиковать и желаю каждому добиться того, чтобы быть интересным. Что же касается моего отношения к конкурсам вообще – да пусть играют, конечно.

Помимо всевозможных официальных наград, включая четыре государственные премии, в 2013 году Вы стали третьим лауреатом премии, стоящей особняком – Платоновской. Она была присуждена Вам "за глубину и гармоничность интерпретации мирового музыкального наследия". Имела ли эта награда с такой необычной формулировкой какое-то особое значение для Вас или она - просто одна из прочих?

(© RNO/A. Molchanovsky)

Я восхищаюсь людьми Воронежа, где присуждается эта премия, где проходит прекрасный Платоновский фестиваль. Мне хочется снять перед ними шляпу. Таких мест в России осталось очень мало, ведь все держится на энтузиазме, на людях, которые каким-то образом продолжают делом выражать свое отношение к культуре, к происходящему, на людях, которые желают добра. Не подберу достойных слов для всех заслуженных комплиментов в их адрес. И, конечно, мне было очень приятно получить премию именно от этих людей. Вообще, и с оркестром мы уже несколько раз выступали в Воронеже, и сольный концерт я давал. Правда, играть там толком негде, акустика в оперном театре очень посредственная. Но это уже другой вопрос.

Критики много писали о рациональности, интеллектуализме в Вашем творчестве - при том, что русские пианисты традиционно выделяются эмоциональностью, интуитивностью, экспрессивностью, глубиной. В отсутствии этих качеств часто упрекают молодое поколение музыкантов, озабоченных только техникой. Как все это сочетается - или не сочетается?

Да кто же это знает?! Я играю, как чувствую, вот и все. А насчет упреков в адрес молодого поколения – душа у них, конечно, есть, а то, что нет глубины, так откуда ей взяться в их возрасте? Это приходит со временем.

Вы полагаете, что дело во времени, а не в изначальной ориентации исключительно на технику (скорость, громкость) в ущерб чему-то другому?

Думаю, да, ведь со временем происходит переоценка ценностей. Происходят события, переживания, и, к сожалению, чем сильнее, трагичнее эти переживания,

сублимированные в искусстве, тем большее влияние они оказывают на художника. Иногда за выражаемые в творчестве чувства приходится платить слишком великую цену.

О Вашем консерваторском профессоре Якове Флиере рассказывают, что он уделял большое внимание качеству звука и развитию собственного взгляда ученика на то или иное произведение. Какое влияние такой подход оказал на Вас и сохранился ли он, на Ваш взгляд, в русской пианистической школе?

За всю русскую школу не скажу, каждый играет, как умеет. А Яков Владимирович был очень симпатичным человеком. Мы много играли в шахматы. Помню, однажды он выиграл, сделав удачный ход конем – поставил его в самый центр доски. А следующую партию сыграть уже не успели – он рано умер, в 65 лет, сердце не выдержало. Я проучился у него три с половиной года. Когда в 1977 году я участвовал во Всесоюзном конкурсе пианистов в Ленинграде, он должен был заседать в жюри, но не приехал, так как уже заболел. Всю программу мы готовили вместе, и я знаю, что он успел узнать о моей победе на конкурсе и порадоваться – он вообще всегда очень переживал за своих студентов и радовался нашим удачам.

(© RNO)

А почему Вы сами не преподаете?

Ну, как сказать. Я преподаю в оркестре, ведь дирижер – тот же преподаватель.

Еще не закончив аспирантуру Московской консерватории, где Вы учились в классе профессора Льва Власенко, Вы дебютировали как дирижер, а позже основали Российский национальный оркестр. Некоторые инструменталисты

объясняют обращение к дирижированию нехваткой репертуара, но у пианистов такой проблемы, кажется, нет. Отчего же возникла такая потребность?

Дирижировать я начал раньше, чем играть на рояле, года в два. Объяснить эту потребность не берусь, наверно, так было назначено судьбой.

Что сейчас привлекает Вас больше всего: фортепиано, дирижирование или сочинение музыки?

Пожалуй, фортепиано и дирижирование.

С 1996 года Вы живете в Швейцарии. Почему Вы выбрали именно эту страну?

Выбрал потому, что это – хорошая страна, и я горжусь тем, что я – швейцарец. Швейцария – страна уникальная, такой второй нет и в плане красоты, и в плане порядочности, совершенства бытового устройства, культуры, истории... Мне здесь очень комфортно, несмотря на несколько меняющиеся в последнее время обстоятельства. Меня восхищает то, как была образована Швейцария: не под каким-то давлением сверху, а просто люди захотели быть свободными, захотели сами решать, как им жить, а не по указке президента. Многие местные жители и не знают, кто у нас президент. К сожалению, на Швейцарию оказывается сейчас очень большое давление, что меня искренне огорчает. Мало достоверной информации и масса вранья, фикция свободы слова. СМИ откровенно манипулируют общественным мнением, и многие умные люди это легко видят, но большинство просто поглощает, что им преподносят.

Среди Ваших сочинений есть написанная в 2006 году "Fantasia Helvetica" на швейцарские темы. Она была навеяна десятилетним, на тот момент, опытом пребывания в Швейцарии? Стоит ли рассматривать ее как дань благодарности этой стране?

Ну конечно. «Фантазия» была написана для двух роялей, ее хорошо играли дети моей знакомой Любы Манц. Теперь это большие бизнесмены, а тогда, почти дети, они очень увлекались музыкой. Позже, уже по-другому, ее играли Марта Аргерих и Александр Могилевский. Думаю, это вполне подходящее произведение для 1 августа – Национального дня Швейцарии – веселое, жизнерадостное. Музыка основана на народных швейцарских песнях, в ней даже есть кусочек гимна. Когда мы играли ее в Москве, в Большом зале Консерватории, пришло много швейцарцев, все они очень радовались, чуть не танцевали. Трудность написания «Фантазии» состояла в том, что среди тысячи швейцарских песен можно найти только две, а то и полторы, в миноре, все остальные – сплошное веселье!

В 2005 году Вы получили премию Grammy за лучшее исполнение камерной музыки. Продолжаете ли Вы играть в ансамблях?

Нет. Да и тогда это вышло почти случайно: Марта Аргерих уговорила меня записать сюиту из балета «Золушка» Прокофьева, в моем переложении для двух фортепиано, и цикл пьес для фортепиано в четыре руки «Моя матушка-гусыня» Равеля. Записывали, кстати, в Монтре. Вот этот диск и получил тогда Грэмми и еще несколько премий. Получился мой подарок Марте на день рождения.

Существует ли «правильная» интерпретация произведения?

Нет, не существует. Существуют правдивая и ложная. Правда в искусстве, в отличие от истины, меняется вместе с человеком, она не может быть постоянной. Правда есть искренность, правдивое выражение переживаемых эмоций. Очень часто мы слышим исполнение, во время которого музыкант мечется по сцене, потеет, гримасы корчит, но оказывается, что подлинных эмоций там очень мало. А другой сидит играет, не шелохнувшись, и это может пронять вас до глубины души.

(© Nashagazeta.ch)

Но тогда что считать «ложной» интерпретацией? Сознательную неискренность в исполнении?

Когда человек играет то, чего не чувствует и не понимает. Иногда это не вина, а беда – человек просто не дорос. Ему хочется сыграть польку-бабочку, что получилось бы искренне и правдиво, а ему навязывают Пятую симфонию Бетховена. И вот он делает скучное лицо... Сколько исполнителей, столько и будет «правд», повторы исключены. Даже один и тот же музыкант в разные моменты жизни играет по-разному. Правильно то, что убеждает и трогает.

Не могли бы Вы сказать несколько слов о программе предстоящих концертов в рамках серии Культурный процент MIGROS и о солистах, с которыми Вам предстоит выступить – по традиции к участию в турне приглашаются швейцарские музыканты. В данном случае это Рено Капюсон (он, конечно, француз, но преподает в Лозаннской консерватории) и «настоящий швейцарец» Оливье Котте.

Директор этой серии Миша Дамев – очень симпатичный человек и профессиональный дирижер, мне приятно с ним сотрудничать. Что касается солистов, то с Оливье Котте я еще никогда не играл, и мне интересно будет его послушать, а Рено Капюсон – уже мастер. Он проводит во Франции, в Экс-ан-Провансе, отличный фестиваль, я в нем с удовольствием участвовал.

Программу мы создавали вместе. Глазунова, конечно, предложил я: «Времена года» – прекрасное, легкое, позитивное произведение, а его почти никто не знает. Несправедливо мало играют и чудный Третий скрипичный концерт Сен-Санса, который я очень люблю и рад, что он прозвучит в исполнении Рено. Сен-Сансу вообще не повезло – играют постоянно три-четыре произведения, а Вторую симфонию, например, чистый шедевр, не играет никто! Зато увертюру Чайковского «Ромео и Джульетту» знают все.

А не страшно будет молодому Оливье Котте играть «Вариации на тему рококо» Чайковского, знакомые по таким эталонным исполнениям, какими одаривали публику Святослав Кнушевицкий, Мстислав Ростропович и другие прославленные виолончелисты?

Да что Вы! Сейчас такие молодые, что палец в рот не клади. Потом он же неустанно стареет, как и все мы, так что дорастет!

В заключение нашего разговора хотели бы Вы поделиться с нашими читателями чем-то, что занимает Ваши мысли?

Знаете, многие журналисты и в России, и на Украине донимали меня вопросом: чей должен быть Крым, ожидая определенного ответа – российским или украинским. Если бы я говорил не как музыкант Плетнев, а от лица крымской земли – именно крымской земли! – то мечтал бы, чтобы Крым был швейцарским. Тогда каждое местное деревце, вся красота, вся инфраструктура были бы бережно сохранены. Все исторические ценности – восстановлены. В этих великолепных местах были бы построены великолепные концертные залы, места для отдыха, пляжи, началась бы культурная жизнь. Был бы восстановлен Коктебель, гнездо Серебряного века, представляющий сейчас жалкое зрелище. Вы только посмотрите, как в Швейцарии хранят память Суворова! Вот и ответ на Ваш вопрос о том, как я отношусь к Швейцарии.

[русская музыка в Швейцарии; русская музыкальная школа](#)

Статьи по теме

[Михаил Плетнев со «своим» оркестром на гастролях в Швейцарии](#)

Source URL:

<http://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/mihail-pletnev-v-muzyke-pravilno-hto-u-bezhdaet-i-trogaet>